

Пастырь и церковный деятель: святитель Филарет Московский и старообрядческий раскол 1825–1855 гг.*

Митрополит Филарет, Московский святитель с 1821 по 1867 г., – выдающаяся личность в истории Русской Православной Церкви XIX в. Он был необычайно плодовитым писателем: крупный богослов и катехизатор, он не только оставил бесчисленные резолюции по отдельным вопросам для своей епархии, но и написал оказавшую значительное влияние памятную записку для Св. Синода практически по всем основным проблемам, стоявшим перед Церковью в то время. Его деятельность в этом направлении не прекратилась и после его ухода из Синода и возвращения к повседневному управлению Московской епархией. Митрополит Филарет вел активную переписку как со священством, так и с мирянами, высказывая свои взгляды по многим вопросам. Лишь на склоне дней ухудшившееся здоровье повлияло на его работоспособность и не позволяло активно участвовать в церковных делах¹.

Несмотря на свою значимость, митрополит Филарет не получил должного внимания со стороны исследователей. Еще при его жизни не было никакой ясности относительно взглядов и принципов митрополита среди исследователей: многие его современники были склонны относить митрополита Филарета к крайним консерваторам, другие (по донесению тайной полиции от 1832 года) считали его потенциальным революционером: «Приближенное ему духовенство и вся Москва одинакового мнения, что Филарет не привержен к престолу, что он республиканец и

* Авторизованный перевод с английского.

¹ В апреле 1864 г. митрополит Филарет в письме обер-прокурору А.П. Ахматову жаловался на свое здоровье (Письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского, к высочайшим особам и разным другим лицам. Т.2. С.246). Эти же жалобы звучат и в письме князю С.Н. Урусову (См. Л. Бродский, сост. Мнения, отзывы и письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по разным вопросам, за 1821–1867 гг. М., 1905. С. 271).

своим влиянием на подчиненных опасен»². Исследования, появившиеся в первые десятилетия после его смерти, не отличались должным научным уровнем и в своем большинстве стремились к кодификации высказываний митрополита Филарета по определенным вопросам, таким, как отношения церкви и государства, семья, проповедь³. В советское время исследование не велось по понятным причинам⁴. Затем наконец оно было возобновлено,⁵ но многое еще предстоит сделать в этом направлении как тематически, так и эмпирически. У нас нет даже полноценного академического издания его колоссального архивного наследия, куда бы вошли не только известные (хотя при этом недостаточно используемые) его личные архивные фонды⁶, но также множество

² Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 109. Оп. 3, секретная часть. Д. 1379. Л. 1.

³ См.: *Вышеславец Г.* О семейной жизни по учению Филарета, митрополита Московского и Коломенского. СПб., 1894; В.Н. Государственное учение Филарета, митрополита Московского (3-е изд.; М., 1888); *Чиник М.* Митрополит Московский Филарет как гомилет или как руководитель других в деле церковного учительства. Пинск, 1894. См. также: Сборник, изданный Обществом любителей духовного просвещения, по случаю празднования юбилея со дня рождения (1722–1882) Филарета, митрополита Московского (М., 1883); Библиографический указатель опубликованных трудов святителя Филарета, митрополита Московского и Коломенского, и литературы о нем / Сост. Г.В. Бежанидзе, П. Хондзинский. М., 2005. Список вышедших из печати трудов митрополита см.: *Гаврилов А. В.* Алфавитный указатель к собранию мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам и к переписке его с разными учреждениями и лицами духовными и светскими. СПб., 1891.

⁴ Важным исключением была диссертация Роберта Никольса: Nichols R., Metropolitan Filaret and the Awakening of Russian Orthodoxy 1782–1825. Ph.D. diss., University of Washington, 1972.

⁵ В первую очередь следует указать на фундаментальные статьи в сборниках «Филаретовский альманах» (Т. 1–3. М., 2004–2007). Появились и отдельные работы, включая: Tsurikov V., ed. *Philaret, Metropolitan of Moscow. 1782–1867.* Jordanville, 2003; *Журавлева О. М.* Епархиальная практика и церковно-государственная деятельность Московского митрополита Филарета (Дроздова), 1821–1867 гг. Канд. дисс. СПб., 2003; *Яковлев А.* Век Филарета: Роман-хроника. М., 2001; *Яковлев А.* Светоч Русской Церкви. М., 2007.

⁶ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОРРГБ). Ф. 316; Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 832.

трудов, разбросанных по многочисленным государственным и частным архивам, включая архив епархиальной консистории и архивы Синода, обер-прокурора Синода и множество других⁷. Предположение о том, что почти все работы митрополита Филарета изданы, является крайне ошибочным⁸.

Хотя некоторые публикации трудов митрополита Филарета представляют ценность (к примеру, шеститомник под редакцией архиепископа Саввы (Тихомирова)), в большинстве изданий приводятся отдельные резолюции и памятные записки для Синода вне контекста, который крайне важен в данном случае. Мало того, в этих публикациях отсутствуют черновики и окончательные варианты, которые могли бы показать развитие мысли святителя, обозначить его приоритеты. Эти издания даже не всегда достоверны, особенно те, которые относятся к последним годам жизни митрополита, когда его почерк сильно ухудшился (он сам извинялся: «Простите, что пишу неразборчивою рукою. Немоществую!»)⁹, и опубликованные тексты содержат по этой причине пропуски¹⁰. Одним словом, несмотря на значительное количество опубликованных трудов, у нас до сих пор нет основательного, полного академического издания трудов святителя Филарета.

Критические замечания существуют в отношении многих аспектов трудов митрополита Филарета, но особенно серьезны они по вопросу, имевшему крайнюю важность в девятнадцатом столетии – старообрядческий раскол¹¹. «Раскольничий» вопрос

⁷ Российский государственный исторический архив г. Москвы (далее РГИАгМ). Ф. 1183 (Московская духовная консистория); РГИА. Ф. 796 (Синод) и Ф. 797 (обер-прокурор).

⁸ Ср.: *Римский С. В.* Российская Церковь в эпоху великих реформ. М., 1999. С. 11.

⁹ Мнения, отзывы и письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского... за 1821–1867 гг. С. 344 (письмо к Антонию [Амфитеатрову], 29 апр., 1867).

¹⁰ К примеру, см. письмо от 7 октября 1866. Там же. С. 340.

¹¹ Я употребляю здесь понятие «раскольник» вслед за митрополитом Филаретом, который решительно отказывался заменять его другими определениями, особенно определением «старообрядцы». В 1832 г. митрополит в ответ на постановление консистории (которая употребляла слово «старообрядец») заявил, что «консистории раскольников старообрядцами называть не следует» (*Филарет*. Полное собрание резолюций: В 3 т. (М., 1903–1905).

отличался сложной многосторонностью. Он касался как роста числа раскольников, так и политики Церкви и государства по решению этой проблемы. Существует множество публикаций по этой теме, но это все неполные издания ненаучного характера, без какого-либо внимания к контексту¹². Второстепенная литература является здесь значительной – к примеру, монография Василия Беликова об отношении Филарета к проблеме раскола¹³. Но этот труд ограничен печатными источниками, отличается отсутствием широкого взгляда на проблему (а именно – отсутствием контекста, осведомленности по вопросу раскола и осознания растущей важности этого вопроса) и не является по сути историческим трудом, так как систематизирует высказывания митрополита Филарета без учета меняющейся исторической обстановки. Для того чтобы понять, какие меры святитель Филарет пытался предпринять в отношении раскола, необходимо извлечь его архивы, поместить его деятельность в границы исторического контекста и

Т. 3. Ч. 1. С. 79. В письме обер-прокурору Протасову он ссылается на «так называемых старообрядцев» и объясняет своё противостояние этому понятию: «Требование, чтобы составителям сих условий оставить наименование старообрядец не может быть допущено, потому что сие наименование изобретено раскольниками единственно для украшения оным раскольников, и потому указом 1745 года мая 13 дня запрещено, как содержащее в себе сокровенное хуление на Православную Церковь. Ибо если это подлинно старообрядцы, то православные будут новообрядцами; тогда как истинная, как догматическая, так и обрядовая древность принадлежит Православной Церкви». Чтобы избежать недовольства со стороны раскольников митрополит Филарет предлагает выражение «так называемые старообрядцы» (Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам (далее – Собрание мнений): В 6 т. М., 1885–1888. Т. 3. С. 95–96). Тенденция, особенно у светских лиц, избегать слова «раскольник» была не новой. См. предложение обер-прокурора И. И. Мелиссино от 1763 г. «сделать им [менее вредным раскольникам – Г.Ф.] некоторые снисхождения, например, не называть их больше раскольниками» (Иванов И. А. Не называть их больше раскольниками // Отечественные архивы. 2007. №. 4).

¹² Пример ошибочного датирования см.: Беликов В. Деятельность Московского митрополита Филарета по отношению к расколу. Казань, 1895. С. 104, примечание.

¹³ См.: Беликов В. Деятельность Московского митрополита Филарета по отношению к расколу; а также Зыков А. Деятельность Митрополита Филарета в борьбе с расколом // Братское слово. 1893. №. 2–10.

рассмотреть, как эта деятельность соотносилась с направлением церковной и государственной политики того времени.

В настоящей работе сделана попытка рассмотреть позицию митрополита Филарета по вопросу раскола в дореформенный период (1825–1855)¹⁴ на основе многочисленных печатных и архивных источников. Здесь утверждается что:

1) проблема раскола стала заметной в дореформенный период, так как совершенно очевидно возросла численность учтенных староверов;

2) растущая опасность раскола (несмотря на попытки его подавления) вызвала особое беспокойство со стороны государственной власти;

3) церковные иерархи оказались перед лицом двойного кризиса – угрожающий рост раскола и нарастающая озабоченность со стороны государственной власти;

4) митрополит Филарет неизменно придерживался двух основных принципов – преимущества пасторского (а не полицейского) подхода и необходимости отстаивать самостоятельность Церкви. Последняя задача определяет Филарета как «церковника» – того, кто в первую очередь предан интересам Церкви и стремится противостоять вмешательству государственных властей («государственников»)¹⁵. В сущности, митрополит Филарет мало верил во всемогущество закона и действенность государственных мер; вернуть людей из раскола было, по его мнению, задачей пастырей, действующих независимо от светского государства.

Митрополит Филарет: пастырь и церковный деятель

Петр Великий и его непосредственные преемники на троне прибегали к серьезным мерам для сдерживания раскола, но эта политика изменилась коренным образом в 1760-х гг. В частности, Екатерина Великая проповедовала веротерпимость и сняла ог-

¹⁴ В центре внимания данной работы именно раскольники, а не сектанты, хотя дореформенное правительство и Церковь были склонны говорить о сектантах как о части раскольников; сектанты представляли совершенно особое явление и к ним применялись иные меры, нежели к раскольникам.

¹⁵ См.: *Gregory L. Freeze. Skeptical Reformer, Staunch Tserkovnik: Metropolitan Philaret and the Great Reforms*, in Tsiurikov, Philaret, 151–191.

раничения, существовавшие ранее в отношении раскольников. В этом ряду находится ее решение начала 1770-х гг. позволить основание Преображенского (беспоповцы) и Рогожского (поповцы) кладбищ в Москве, что изначально было сделано для захоронения раскольников, умерших от бубонной чумы 1771 года. Сменившие ее на троне Павел, а затем Александр I продолжили эту политику, что привело к дальнейшему сокращению финансовых и прочих взысканий с раскольников и позволило им строить неосвященные моленные дома для удовлетворения духовных запросов различных раскольничьих групп¹⁶. В 1800 г. решением Св. Синода была основана единоверческая церковь, что позволило раскольникам совершать богослужения собственного обряда, исповедуя при этом верность Церкви и царю. Все эти уступки ничего не принесли: раскольники приобрели еще больше последователей. Если в 1740 г. в Российской Империи было зарегистрировано 9.819¹⁷ раскольников, то в 1799 г. их число увеличилось до 84.150, а к 1825 г. достигло 273.289 человек¹⁸.

Когда Николай I взошел на трон в 1825 г., царское правительство исполнилось решимости прекратить неуклонный рост раскольников. Власти полагали, что благодаря веротерпимости раскольники не только не стали более послушными, но, напротив, восприняли уступки как проявление слабости со стороны государства или даже косвенного их признания. Архиепископ Анатолий (Максимович), управляющий Сибирской епархией, выразил распространённое среди священства мнение: «Мне случалось слышать от них (раскольников – Г.Ф.), будто и правительство уже уверилось, что их сторона правая. Так они разумеют снисхождение правительства»¹⁹. Это был «век революций», прокатившихся по Европе, и правительство Николая, по сравнению со своими предшественниками, гораздо острее ощущало политическую подоплеку раскола, особенно со стороны раскольников радикаль-

¹⁶ Подробно см.: Обзор мероприятий Министерства внутренних дел по расколу с 1802 по 1881 г. СПб., 1903.

¹⁷ Описание документов и дел Синода. Т. 17. СПб., 1915. С. 215–216. Эти цифры, мягко говоря, ненадежны; несомненно, что многие раскольники, чтобы избежать уплаты двойного налога, попросту не регистрировались.

¹⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 139. г. 1858. Д. 549.

¹⁹ Там же. Оп. 205. Д. 839. Л. 39об.

ного, беспоповского толка, которые отказывались присягать на верность царю. Николай I и высокопоставленные лица из его окружения хорошо знали политические настроения, преобладавшие в постнаполеоновской, реставрационной Европе и осознавали необходимость обновления института религии как оплота против опасности революционного переворота.

Таким образом, николаевский режим проводил совершенно другую политику в отношении раскола, нежели его предшественники. Правительство мирилось с построенными ранее молельнями, но строго запрещало создание новых, энергично преследовало и подвергало наказаниям виновных в вовлечении в раскол²⁰. Именно в николаевскую эпоху создавались секретные комитеты по делам раскольников в тех епархиях, где они проявляли особую активность; эти меры были тем средством, благодаря которому Церковь и государство, оставаясь разделёнными в сфере задач преодоления раскола, могли совещаться и сотрудничать²¹.

Хотя правительство Николая сделало ставку на «суровые меры» для преодоления раскола, митрополит Филарет видел преимущество не в полицейских ужесточениях, а в пастырском увещевании как наиболее верном способе вернуть раскольников в Церковь. Это очевидно из его управления собственной епархией, где он убеждал священство побеждать раскольников кротостью, осторожной проповедью, вдохновляющим служением Литургии, подавая пример собственной жизнью. Об этом свидетельствует распоряжение от 3 сентября 1830 г., в котором содержится наставление священнику «при всех возможных случаях являть пример благоговеяного богослужения и благочестивой жизни, назидательным словом и усердною к Богу молитвою, стараться чуждающихся церкви привлекать и возвращать в Ее матернее лоно»²².

²⁰ Полное собрание постановлений и распоряжений по духовному ведомству. Царствование Николая Павловича СПб., 1915. No. 54, 71 (17 мая 1826 г., 3 Сент. 1826 г.)

²¹ Для примера: по указу императора были созданы комитеты в Твери и Саратове в 1838 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 119. г. 1838. Д. 1286. Л. 1–7), в Вятке в 1848 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 129. г. 1848. Д. 844. Л. 1–2), в Тамбове и Перми в 1850 г. (РГИА. Ф. 797. Оп. 20. Д. 44380) и 1851 г. (РГИА. Ф. 796. Оп. 132. г. 1858. Д. 9423. Л. 1–16).

²² *Филарет*. ПСР. Т 2. Ч. 3. С. 63 (резолюция 3 сент. 1830 г.).

Несколько месяцев спустя митрополит Филарет наставлял другого священника, как поступать с раскольниками, которые наотрез отказываются исповедоваться и причащаться: «Поручать ему (священнику – Г.Ф.), основательными убеждениями преклонять наименованных в справке, чтобы они упущенный ими христианский долг исполнили»²³.

Митрополит Филарет решительно выступал против репрессивных мер по преодолению раскола. Так, в резолюции от 13 августа 1828 г. на предложение консистории принять подобные меры, митрополит резко заявляет: «Определение консистории признается необдуманном. Ибо относиться к светскому начальству с неопределенным требованием прекращения раскола было бы странно: ибо раскол прекращен быть может только убеждением в истине; а сие не относится к обязанности светского начальства. Прошу консисторию со тщанием и рассуждением помогать мне в делах церковных, а не скидывать их с рук, как случится»²⁴.

Митрополит Филарет осознавал, что раскольники будут использовать любое очевидное проявление связи между государством и Церковью, чтобы обвинить последнюю в подстрекательстве и тем усложнить пастырскую задачу по преодолению раскола. По его мнению, было необходимо отделение государственной политики от церковной, особенно в общественном сознании.

Подобное отношение определило роль святителя Филарета в московском секретном комитете по делам раскольников, образованном в 1830 г. Как свидетельствуют основные документы, комитет осуществлял взаимодействие Церкви и государства, не компрометируя при этом Церковь и ее пастырское служение²⁵. Как и для аналогичных комитетов в других епархиях, где число раскольников было значительно больше, целью деятельности московского комитета являлось осуществление руководства высших властей епископом, в то же время представляя действия государства исходящими от светских властей, а не от Церкви²⁶. Митрополит

²³ *Филарет*. ПСР. Т 2. Ч. 3. С. 97 (резолюция 6 дек. 1830 г.).

²⁴ Там же. Ч. 2. С. 168 (резолюция 13 авг. 1828 г.).

²⁵ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 1183 (Московская синодальная консистория). Оп. 11. Д. 4. Л. 2–4.

²⁶ Секретность лежала в основе подобных комитетов. Архиепископ Пермский Аркадий, к примеру, хранил у себя архив комитета, во избежание

Филарет принимал участие в деятельности комитета, придерживаясь приоритетов пастырского служения. Так, в 1833 г. комитет рассматривал дело одной крестьянки, вовлеченной в раскол, которая отвергала увещания местного священника. Комитет пришел к соглашению, что подобный общественный случай требовал определенного вмешательства, так как, став достоянием общества, он мог сыграть на руку раскольникам: «Случаи сего рода нередко встречаются, к затруднению не только духовного, но и гражданского начальства. Употреблять строгие меры обыкновенно не решаются. А безнаказанность поступка, известного суду, производит впечатление более вредное, нежели безнаказанность поступка скрытого»²⁷.

Комитет выразил согласие с приоритетом пасторского увещания (продолжать уговаривать отступников вернуться в Церковь), в то же время возлагая на полицию меры по розыску и выявлению подстрекателей к расколу. В последнем случае, если обвиняемый был мирянином, то по отношению к нему должно было применяться увещание, а не наказание («чтобы он мир церкви не нарушал и сам заблуждение оставил»). Комитет прибегал к строгим полицейским мерам лишь в том случае, если виновный оказывался беглым священником, который подвергался немедленному аресту и возвращению в свою епархию для судебного разбирательства. При этом правительство предостерегало, что «раскольники, вторгаясь в пределы Господствующей церкви и отторгая членов ее, поступают совершенно неприемлемым в благоустроенном государстве образом, и что такими поступками они поставляют Правительство в необходимость ограничивать ту великодушную терпимость, с какою оно поступает в отношении к раскольникам и их наставникам»²⁸.

Подход митрополита Филарета – приоритет пасторского служения над полицейскими мерами – являлся доминирующим в церковной политике периода Николаевской эпохи. Церковь, в

попадания важных сведений к раскольникам (РГИА. Ф. 796. Оп. 132. г. 1851. Д. 395. Л. 1–4).

²⁷ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 11. Д. 15. Л. 1–1 об. (Выписка из журнала секретного раскольнического комитета, 14 марта 1833 г.). Император подписался под резолюцией 26 марта 1833 г.

²⁸ Там же.

частности, строго наставляла священников и миссионеров обращаться с донесениями только к вышестоящим духовным властям и ни при каких обстоятельствах не обращаться напрямую к властям светским. Такое разделение ролей – увещание со стороны духовенства и преследование со стороны полиции – стало характерным для действий местных и центральных властей. В 1828 г., к примеру, власти Казани издали постановление, строго предписывающее священству прибегать только к увещанию. В постановлении утверждалось, что «опытом доказано, одни строгие меры правительства не могут вывести раскольников из заблуждения их» и содержались указания приходскому духовенству, «дабы они при всяком удобном случае старались доказывать им заблуждение и просвещать их благоразумными советами и духом кротости»²⁹.

В 1837 г. председательствующий член Синода митрополит Серафим (Глаголевский) отправил подобную инструкцию архиепископу Аркадию (Фёдорову): «Правительство поручило мне сообщить Вашему Преосвященству, чтоб Вы сделали внушение миссионерам, дабы они нисколько не уклонялись от данной им инструкции, не выходя из поставленных в ней для них пределов, и вообще о замечаемых ими неправильных действиях раскольников доводили только до сведения своего духовного начальства, не преследуя их доносами Гражданскому Начальству». Он прямо говорит, что священнику не следует употреблять суровые меры или принуждение, но целиком полагаться на увещание и убеждение³⁰.

Главная памятная записка Синоду митрополита Филарета в 1835 г. содержала ясное и четкое изложение данной политики. В ней утверждалось преимущество пастырского подхода: «Вразумление в истинном учении веры со стороны православного духовенства, без сомнения, есть самое свойственное орудие для обращения заблуждающихся всякого рода. По сему, общему средству обращения противостоит почти столь же общее препятствие, именно правило раскольников особенно убежать сношения с православным духовенством».

Этим объясняется стремление митрополита Филарета отвести ключевую роль в начальном обучении приходскому священ-

²⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 109. г. 1828. Д. 223. Л. 2.

³⁰ Там же. Оп. 205. Д. 918. Л. 33 («секретно», 8 апреля 1837 г.)

тву: «Поелику раскол наиболее основан на невежестве, то училища должны быть средствами противораскола»³¹. Таким образом, Церковь должна была занять ведущую позицию в области образования³². Митрополит также высказывался в пользу образования женщин: «Обучение детей и женского пола желательно потому, что известно по опыту, что женщины невежественны еще более мужчин, и по причине упорства в привязанности к наследственному и привычному удерживают мужей в расколе и даже привлекают в оный»³³.

Святитель Филарет стремился избегать политики проявления снисхождения и дарования льгот раскольникам. К примеру, он жаловался на существующий закон о собственности, по которому Церковь могла приобретать собственность с большим трудом, а раскольники могли сделать это без труда различными путями. Особое беспокойство митрополита вызывал тот факт, что на раскольников не распространялись государственные и церковные законы о заключении брака и погребении. В этом отношении он требовал, «чтобы раскольники не были свободнее от законов, нежели православные, как, например, чтобы не оставались без ответственности вступающие в брак в несовершеннолетних летах, погребаящие скоропостижно умерших без объявления полиции». И хотя митрополит не был сторонником поспешного принятия новых мер, он настаивал на строгости соблюдения законов государственными властями: «Чтобы местные начальства отнюдь не отклонялись от исполнения существующих узаконений, против оказательства раскола и против нарушения раскольниками начальственных должностей».

Словом, митрополит Филарет отстаивал свои основные принципы (приоритет пастырского служения в церковной политике и разделение ролей Церкви и государства в борьбе с расколом). Подобная стратегия позволяла бороться с расколом с двух сторон, сочетая духовное служение церкви с государственными мерами против раскольников.

³¹ Собрание мнений. Т. 2. С. 365.

³² См.: *Филарет*. Письма к Антонию. С. 225 (20 декабря 1836 г.).

³³ Собрание мнений. Т. 2. С. 365.

Двойной кризис: Рост старообрядчества и недовольство гражданских властей политикой Церкви

Двадцать лет после записки митрополита Филарета Синоду в 1835 г. были временем непрерывного двойного кризиса мер по сдерживанию и обращению раскольников: число раскольников стремительно увеличивалось, в то время как государственная власть становилась всё более критичной по отношению к полицейским мерам и способности Церкви изменить ситуацию.

Несмотря на неточность и недостаточность статистических сведений, можно с уверенностью говорить о неуклонном и даже стремительном росте раскола. Число раскольников увеличилось с 273 289 (1825 г.) до 648 359 (1850 г.), что составило 237,2%³⁴. В отдельных епархиях рост раскольников был особенно значительным (таблица 1).

Таблица 1
Рост раскольников в отдельных епархиях (1825–1850)

<i>Епархия</i>	<i>1825</i>	<i>1850</i>	<i>% роста</i>
Вятская	17,524	34,330	273
Калужская	4,651	15,333	329,7
Костромская	6,045	21,179	350,1
Московская	28,387	65,872	283,9
Ярославская	2,753	12,779	464,2

Источник: РГИА. Ф. 796. Оп. 139. г. 1858. Д. 549; Ф. 797. Оп. 22. Отд. 1. Ст. 2. Д. 241. Л. 1–2.

Число раскольников продолжало расти, особенно в отдельных епархиях; отчёт 1853 г. свидетельствует о росте раскола за предшествующее десятилетие с 367 082 до 455 721 – и это только в двадцати двух епархиях³⁵. На протяжении этого десятилетия число раскольников, к примеру, в Оренбургской епархии увеличилось с 18 355 до 46 655 (рост составил 254,2%)³⁶. Московская епархия тоже не осталась в стороне. Как свидетельствует выше-

³⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 139. г. 1858. Д. 549; Ф. 797. Оп. 22. Отд. 1. Ст. 2. Д. 241. Л. 1–2.

³⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2. Ст. 1. Д. 105. Л. 16–16об.

³⁶ Чернавский Н. Оренбургская епархия с ее прошлым и настоящим: В 2 т. Оренбург, 1900. Т. 2. С. 408.

приведенная таблица, число раскольников в Московской епархии неуклонно возрастало и достигло 68 554 в 1855 г. по сравнению с 20 710 в 1799³⁷, что составило 331%. Конечно, у Церкви были и данные о значительном числе обратившихся из раскола; за период с 1825 по 1850 г. число обратившихся по всей империи составляло 73 018 присоединившихся к Церкви из поповцев, 37 553 из беспоповцев и 136 698 выразивших согласие присоединиться к единой верческой Церкви³⁸. Многие подвергают эти цифры сомнению, особенно в отношении тех раскольников, которые выразили формальное согласие присоединиться к единой верческой церкви, что ограждало их от преследований, но на деле оставались вне Церкви. В любом случае, количество «обращенных» (не говоря уже об искренности их обращения) было значительно меньшим в сравнении с ростом официально зарегистрированных раскольников³⁹. К тому же было распространено мнение, что число раскольников занижалось, так как, по подсчётам некоторых государственных служб, оно составляло от 9 до 10 млн⁴⁰.

Начиная с 1830-х гг. Церковь все больше убеждалась, что проводимая политика борьбы с расколом – сочетание пастырского служения и преследование со стороны государства – была малоуспешной. Духовные иерархи проявляли все большее беспокойство в отношении упорства раскольников и трудностей по преодолению раскола, с которыми приходилось сталкиваться даже опытным миссионерам. Саратовский святитель Иаков (Вечерков) писал в 1834 г., что в его епархии, где недавно была образована миссия против раскольников, «миссионеры действуют неутомимо, но успеху мало»⁴¹. Епископ Симбирский также жаловался на сложность общения с раскольниками, которые избегали

³⁷ РГИА. Ф. 137. г. 1856. Д. 2399. Л. 517–517 об.; Ф. 796. Оп. 139. г. 1858. Д. 549. Л. 4–5.

³⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 20. Д. 44301/в. Л. 2 об.–3.

³⁹ Неполнота статистических данных о раскольниках признавалась и церковными деятелями. Саратовский иерарх, например, отмечал: «Здесь указаны только раскольники, известные под именем отписных, которых далеко менее половины действительных раскольников» (РГИА. Ф. 796. Оп. 132. г. 1851. Д. 931. Л. 122 об.)

⁴⁰ См.: *Марков И. Ю.* Статистика старообрядчества и сектантства в Российской империи в XIX веке // *Старообрядчество.* М., 1996. С. 60–62.

⁴¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 872. Л. 11 (письмо от 21 августа 1834 г.).

разговоров, не говоря уже об увещеваниях⁴². Викарный епископ Старорусский Феодотий (Озеров) приводит сообщения о нападении раскольников на митрополита Филарета и сетует на то, что в Новгороде 20 тыс. раскольников⁴³.

Годовой отчет за 1855 год, содержащий раздел по религиозным отклонениям, свидетельствовал, что Церковь достигла минимальных результатов в борьбе с расколом за последние три десятилетия. Епископ Вологодский Феогност (Лебедев) жаловался, что «меры против сего (раскола – Г.Ф.) со стороны епархиального начальства принимаются постоянно и неослабно; но по упорству, грубости и невежеству зараженных остаются малоуспешными, тем более, что дела о сих совращениях оканчиваются по большей части одною подпискою совратившихся не распространять своих заблуждений»⁴⁴. С ним соглашался епископ Владимирский, подчеркивая упрямство раскольников и неэффективность мер по борьбе с ними⁴⁵. Об этом же говорит Калужский епископ, который даже изобразил зловещую картину будущего: «По причине умножившегося в г. Боровске раскола православные приходские церкви, коих там 8, остаются почти пусты; местное духовенство скорбит и лишается средств к жизни; епархиальное начальство употребляет средства, указываемые законом, но безуспешно, и поставляется в опасение, как бы весь народ не сделался раскольническим под влиянием раскольнических большеяков и местных градских старшин»⁴⁶.

Оказавшись перед усугубляющейся проблемой раскола, некоторые иерархи стали серьезно пересматривать ее традиционное объяснение, сводившееся к невежеству раскольников. Теперь же для многих из них стали очевидны и такие причины, как недостаточность организации внутри Церкви, особенно в обширных и малонаселенных епархиях, где Церковь имела слабые возможности для взаимодействия и оказания влияния на раскольников. Как объяснял архиепископ Неофит в 1855 г.: «Раскольники, исключая

⁴² РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 859. Л. 39 (Анатолий, Симбирский епископ, – Аркадию, архиепископу Пермскому, 19 января 1834г.)

⁴³ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 925. Л. 22–23.

⁴⁴ Там же. Оп. 137. г. 1856. Д. 2398, Л. 163.

⁴⁵ Там же. Д. 2298, Л. 182 об.–183.

⁴⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 1, Д. 114. Л. 28 об.

немногих, большею частью проживают в отдаленных местах от селений православных, в лесах преимущественно, где, скрываясь от надзора начальств, свободно отправляют Богослужение свое по раскольническому обряду – мало доступны для назидания со стороны духовенства»⁴⁷. Некоторые иерархи подчёркивали влияние раскольничьих лидеров, не только тех, которые проповедовали раскол, но и тех состоятельных раскольников, которые использовали свои средства для вовлечения в раскол православных. Особую важность здесь представлял факт, отмеченный в памятной записке 1835 г. митрополита Филарета: раскольники не подпадали под действие государственного и церковного закона о браке. Епископы все более указывали на то, что существующая система, которая давала право раскольникам формально регистрировать брак, без последующих обязательств, позволяла им обходить правовые ограничения и порочить таинство. Как жаловался епископ Вятский: «Для руководства епархиальному начальству в распоряжениях по делам о раскольниках между прочим постановлено, чтобы раскольников, вступивших в так называемые сводные браки, приглашать к узаконению их сожителства браковенчанием в единоверческой или Православной Церкви, не простирая при сем никаких дальнейших требований, то есть, не требуя от них присоединения к Церкви и не обязывая их детей своих воспитывать в Православии или единоверии»⁴⁸. В 1851 г. епископ Тобольский в гневе на происходящее предложил заменить определение «сводный брак» на «сводный союз блуда» или «сводный разврат» (предложение не было принято Синодом)⁴⁹.

Некоторые архиереи возлагали значительную долю вины на государственные власти, которые не сумели провести в жизнь законы, направленные на ограничение раскола. Жалобы на бездействие местных властей были весьма многочисленными.⁵⁰ Епископы, в свою очередь, отвергали обвинения властей в том, что приходское духовенство притесняло раскольников; по их мнению, настоящая проблема заключалась в том, что местные власти потворствовали неприятию раскольниками всех усилий приход-

⁴⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 136. г. 1855. Д. 399, Л. 9.

⁴⁸ Там же. Оп. 132. г. 1851. Д. 1754, Л. 9.

⁴⁹ Там же. Д. 2211, Л. 1–6.

⁵⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 25. Отд. 2 Ст. 1. Д. 65. Л. 9–9 об.

ского священства. В 1840 г., к примеру, архиепископ Тверской Григорий (Постников) категорически опроверг жалобы местных раскольников на притеснение духовенства. Он считал, что настоящей причиной сложившегося положения служит бездеятельность гражданских властей. Он заявлял: «Итак, не стеснение от местных священников, которого нет и которое для священников очевидно невозможно, а желание частью самим не слышать никакого убеждения, а частью, как они везде, всевозможно, стараются других уверить, что гражданское правительство не имеет желаний обращать их в Православие, что это желание имеет только православное духовенство, что гражданское правительство, напротив покровительствует их вере и всегда старается останавливать или умерять желание православного духовенства»⁵¹.

Подобное бездействие, как свидетельствовали архиереи, только поощряло раскольников. Как замечал епископ Саратовский в 1850 г., раскольники преступали основные законы (брак с православными), но не подвергались преследованиям со стороны гражданских властей, что «подавало старообрядцам явный повод обратиться к прежним беспорядкам и предубеждениям, тем более, когда они видят, что означенные поступки их остаются долговременно ненаказанными. После таких изменений старообрядцы не заботятся уже об исполнении данных ими подписок о присоединении к единоверию и об отправлении по правилам оного христианских обязанностей. А потому и уклоняются от принятия благословенного священника». ⁵² Что ещё хуже, раскольники истолковывали терпимость со стороны властей как молчаливое признание законности своего положения. Епископ Вятский Елпидифор сообщал в 1851 г. что, «в объяснениях своих в причину упорства своего обыкновенно между прочим выставляют то, что если бы их вера была не правая, то Государь не терпел бы их, а Государь не наказывает их за это, не заставляет отступаться от их веры и позволяет старичкам быть их учителями, значит их вера есть правая»⁵³. Все это вынудило первенствующего члена Синода митрополита Петербургского Григория (Постникова) написать митрополиту Филарету

⁵¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 121. г. 1840. Д. 1481, Л. 6 об.

⁵² Там же. Оп. 151. г. 1850. Д. 592, Л. 1 об.

⁵³ Там же. Оп. 132. г. 1851. Д. 1754. Л. 6 об.

в 1858 г.: «Наша борьба с расколом оканчивается, и раскол берет верх»⁵⁴.

Гражданские власти, со своей стороны, горячо оспаривали подобные заявления, не только отрицая свое бездействие, но и обвиняя приходское священство в бездеятельности, некомпетентности и упадке нравственного состояния. Некоторые гражданские власти возлагали вину за рост раскола на Церковь, подчеркивая, прежде всего, упущения приходского священства. Особенно едкую критику дал губернатор Костромь: «Недостаточное образование, получаемое ими в семинариях, но более всего несоответствующее их назначению воспитание, слабое понимание истин Евангельского учения, полная зависимость в средствах существования от прихожан, и происходящая от сего невоздержанная и нетрезвая жизнь, уничижающая их самих, корыстолюбие и потворство раскольникам, составляют общие пороки духовенства, проживающего в селах и, в особенности, в приходах отдаленных уездов. Эти же пороки порождают в их прихожанах неуважение и даже презрение к духовенству, отчуждение от Церкви, упадок нравственно-религиозного чувства в народе и, наконец, расколы»⁵⁵. Подобная критика находила поддержку в Петербурге. В 1853 г. Министерство внутренних дел выразило согласие с подобным мнением, заявив, что приходские священники участвуют в укрывательстве раскольников за небольшие взятки⁵⁶. Важным предвестником изменения политики стала записка 1855 г. будущего министра внутренних дел П. А. Валуева, в которой подвергалось сомнению доверие церкви в отношении полицейских мер государства и способность духовенства противостоять расколу путём убеждения⁵⁷.

Но до некоторого времени официальная политика оставалась неизменной. Несмотря на усиление раскола и рост напряжения в отношении с гражданскими властями, Церковь вновь заявила о необходимости раздельной, двухсторонней политики увещевания со стороны духовенства и принуждения со стороны государствен-

⁵⁴ Львов. Письма. С. 106.

⁵⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 796. оп. 134. г. 1853. Д. 78, Л. 3–3об.

⁵⁶ Там же. Л. 12–15.

⁵⁷ [П.А. Валуев]. Дума русского // Русская старина. 1891. Май. № 70. С. 357.

ной власти. В 1848 г., к примеру, обер-прокурор Синода, докладывая от имени центрального секретного комитета по делам раскольников, заявил, что основную ответственность по делу раскола несёт не Церковь, а государство: «Как по сему, так и соответственно званию своему, духовенство не принимает в делах управления раскольниками никакого участия, ограничивая одними мерами вразумления и увещания, при непрестанных подтверждениях Св. Синода, чтобы делать сие в духе кротости и христианской любви, и не иначе как только при удобных случаях. Духовенство даже не обличает раскольников в сектантских действиях, доколе оные остаются в своих пределах, и только тогда доносит о них епархиальному начальству, когда сии действия, не прекращенные кем следует, производят между православными соблазн и развращают их. В сих уже случаях Церковь, как оскорбленная в своих правах, обращается по общему порядку в лице духовного начальства к покровительству закона. Таким образом, духовенство, находясь вне правительственных отношений к людям, разорвавшим союз с церковью, не имеет и надобности начинать дела, коими могло бы возбуждать против себя неудовольствие и недоверие; гражданское начальство, которое заведует раскольниками, имеет всю власть и способы удерживать их в границах закона.»⁵⁸

Отдельные представители духовенства, которые нарушали данные правила, подвергались немедленному и строгому взысканию со стороны Св. Синода. Так было в случае одного священника Ярославской епархии в 1852 г.⁵⁹ Другому священнику, который проявлял чрезмерное рвение в деле обращения раскольников, было сделано наставление со стороны Синода, «чтобы он при обращении с раскольниками поступал в своих действиях осмотрительнее и с свойственной его сану кротостью»⁶⁰. Правительство, со своей стороны, также одобряло политику духовного увещания и полицейского преследования. Император в ответ на жалобы о том, что противораскольничьи миссии (которые были специально учреждены в некоторых епархиях) принимали участие в принудительных мерах, издал следующее постановление:

⁵⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 129. г. 1848. Д. 421. Л. 1 об.–2.

⁵⁹ Там же. Оп. 153. г. 1852. Д. 58. Л. 1–4.

⁶⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 797. Оп. 22. отд. 2. ст. 1, Д. 197, Л. 8 (определение Синода, 10 декабря 1852 г.)

«Подтвердить миссионерам, чтобы они при убеждении раскольников к обращению в православие постоянно руководствовались принятыми в сем отношении правительством правилами кротости и пользовались удобным временем без всякого стеснения для раскольников»⁶¹.

Митрополит Филарет: меры против двойного кризиса

Со времени написания записки 1835 г. митрополит Филарет неуклонно придерживался её основных принципов – ограничение деятельности Церкви пастырской миссией и возложение полицейских мер на гражданские власти. Как и ранее, он выделял пастырскую роль духовенства, что следует из резолюции от 16 мая 1850: «Долг священника кротким и добродушным обхождением располагать раскольников к тому, чтобы они его не чуждались, а по мере сближения с ним, основательными рассуждениями о правоте Православной Церкви и о необходимости послушания ей, приводить их к сближению с нею»⁶². Но это было не так легко. Святитель Филарет с грустью признавал, что даже в Москве духовенство мало чего достигло: «С прискорбием надлежит признаться, что духовенство Московской епархии не может похвалиться в обращении раскольников такими успехами, которые простирались бы вдруг на значительное число людей»⁶³.

Данная политика служила для поддержания независимого положения Церкви (что являлось основной заботой митрополита) и должна была облегчить миссию Церкви, избавив от обвинений в содействии гражданским властям со стороны раскольников и позволив священству сосредоточиться исключительно на духовном служении. Целью являлось, конечно, не поощрение раскола, а предоставление духовенству возможности осуществлять свое служение более полноценно. Более того, митрополит Филарет был твердо убежден, что никакой закон не сможет в одночасье изменить положение вещей. Он был свидетелем применения многих

⁶¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 120. г. 1839. Д. 614. Л. 1 об. (решение императора от 26 мая 1839 г., цитированное в докладе обер-прокурора Синоду, 26 мая 1839 г.)

⁶² Душеполезное чтение. 1891. Ч. 2. С. 440; *Беликов*. С. 68.

⁶³ Собрание мнений. Дополнительный том. С. 224.

поспешных мер и не мог не осознавать, что они зачастую приносили очень мало пользы и даже бывали во вред. Помимо пристального внимания к миссии духовенства в деле раскола, митрополит Филарет неизменно противостоял любым попыткам новых уступок раскольникам. К примеру, в 1840 г. он отверг предложение позволить совершение православных обрядов вне Церкви не только потому, что это противоречило каноническому праву, но и потому, что это «подало бы раскольникам новое оружие против Церкви. Они смотрели бы на сие не как на снисхождение, но как на признание их правильности»⁶⁴. Два года спустя он раскритиковал предложение мирян позволить возможность государственной регистрации браков среди раскольников, сказав, что нужно не изобретать новые законы, а выполнять уже существующие⁶⁵. В 1846 г. в ответ на предложение епископа Полоцкого основать совместный с гражданскими властями комитет, митрополит Филарет предупредил, что это только повредит миссии Церкви: «Почему не сделать сего светскому начальству на основании законов? Если же примет в сем участие духовное начальство, то, кроме того, что это было бы не в его характере, оно более нынешнего отчуждит от себя раскольников, которые будут иметь основание приписывать сему гонение на своих наставников»⁶⁶.

Более того, митрополит Филарет настаивал на проявлении осторожности в деле привлечения гражданских полицейских мер против раскольников, не только потому, что это бросало тень на Церковь (когда становилось известно), но и потому, что это могло создать дополнительные трудности для гражданских властей и вызвать их недовольство. В 1838 г. он, отвечая на жалобы светских властей, что епархиальное начальство в Тамбове обращается с неотступными просьбами о принятии строгих мер против раскольников, митрополит соглашался с Министерством внутренних дел: «Не подлежит прекословению то, что возрастающее число дел об отпадении от Церкви и обременительные по делам сего рода требования некоторых епархиальных начальств, особенно изложенные в представлении тамбовского гражданского губернатора, справедливо обратили на себя внимание и заботливость Министерства

⁶⁴ Собрание мнений. Т.3. С. 21–22.

⁶⁵ Там же. С. 62–63.

⁶⁶ Там же. С. 180.

внутренних дел»⁶⁷. Митрополит Филарет замечал, что 517 случаев в Тамбове, несомненно, являлись «обременительной» ношей и многие из них не относились к делу. Поэтому он предложил, чтобы митрополит Петербургский, как председательствующий член Синода, выпустил секретный циркуляр, который бы: «изъяснил всем епархиальным преосвященным, что по некоторым губерниям замечено умножение дел относительно людей, принадлежащих к разным сектам и расколам, происходящее, между прочим, от неосмотрительности доносов священнослужителей и сношений подчиненных мест епархиального управления, делаемых без ведома епархиального начальства»⁶⁸. Это положение он применял и в своей епархии. Характерной является резолюция митрополита от 13 мая 1851 г.: «Доносить на раскольников гражданскому начальству, мимо духовного, и входить в полицейские разыскания о их часовне, есть со стороны священника нарушение закона и порядка; и он таким действом делает себе вред, раздражая против себя раскольников. За сие сделать ему в присутствии духовного правления строгий выговор»⁶⁹.

В некоторых отношениях митрополит Филарет менял и совершенствовал свои взгляды. Прежде всего, он неуклонно требовал, чтобы духовенству была отведена ключевая роль в нарождающейся системе общественных начальных школ не только по причине того, что правительству было трудно найти квалифицированных учителей, но и потому, что школа должна была выполнять задачу просвещения и сохранения учения Церкви⁷⁰. Более того, митрополит Филарет (наряду с другими иерархами) выражал растущее неприятие снисхождений, которыми пользовались раскольники, особенно в отношении брака. В записке Синоду 1832 г., в которой раскольники делились на различные категории («наиболее вредные», «вредные» и «менее вредные»), высказывалось, что не имевшие священства раскольники потворствовали распутству, так как отвергали таинство брака⁷¹. Митрополит

⁶⁷ Собрание мнений. Т. 2. С. 407.

⁶⁸ Там же. С. 409.

⁶⁹ Душеполезное чтение. 1891. Ч. 2. С. 440; *Беликов*, 48–49.

⁷⁰ Мнения, отзывы и письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского... за 1821–1867 гг. С. 319–326.

⁷¹ Собрание мнений. Т. 3. С. 92.

критически отзывался о несовершенстве государственного закона, что раскольники могли использовать в своих интересах. Данная точка зрения легла в основу важной записки Синоду в 1835 г., написанной в ответ на предложение властей усилить контроль над раскольниками-беспоповцами Рогожского кладбища, которое давно уже вышло за пределы «благотворительного учреждения», являясь на деле основным источником поддержки и распространения раскольничьего учения. Митрополит Филарет замечает в своем ответе: «Раскол есть болезнь, довольно застарелая; и потому врачевание ее не легко». Как и прежде, он предостерегает, что любые меры должны быть осторожными, а их введение – постепенным⁷². Здесь он снова возвращается к одному из главных своих убеждений – неизменному скептицизму в отношении всемогущества закона⁷³. Основополагающим для этой записки оставался принцип преимущества пастырского служения (невзирая на всю его сложность).

Подобный скептицизм, наряду с решимостью полагаться на средство пастырского убеждения и отстаивать самостоятельность Церкви, лежал в основе ответа на честолюбивый проект Рижского архиепископа Платона, который в 1851 г. предоставил пространный «Проект для обращения раскольников в недра Православной Церкви» с подробным исследованием причин раскола и мерами по борьбе с ним. Архиепископ называл такие обычные причины как «невежество», «своеволие» и говорил о трудностях, с которыми сталкивается даже ревностный священник. («Духовенство наше может ныне действовать на раскольников только посредством увещания и примера, но увещаний его раскольники не слушают и даже бегают, как еретических, а на пример не обращают внимания»). Он выражал сожаление, что раскольники не испытывают особенных притеснений, указывая на «недостаток побуждений для раскольников к обращению в Православие». Единственным значительным ограничением являлось лишение наследственных прав (при условии, что брак не был заключен по закону, дети считались незаконнорожденными). Чтобы увеличить влияние на раскольников, владыка Платон предлагал следующее:

⁷² Собрание мнений. Т. 3. С. 310–313.

⁷³ Там же. С. 405–406.

1. Принимать в школы не только православных, но и детей раскольников (чтобы последние «потеряли свойственную им дикость и отчуждение от Православия»).

2. Обучение в школах должно включать историю Церкви и катехизис, но преимущество должно принадлежать мирским учителям.

3. Учителя должны происходить из мирян, а не из духовенства («дабы раскольники менее имели к ним (учителям. – Г.Ф.) предубеждения»).

4. Чтобы ускорить создание новой системы, государству следует строить школы и обеспечивать жалованье учителям за государственный счет.

5. Зачислять раскольников в школы с освобождением от налогов (до 18 лет).

6. Учредить поощрения раскольникам, которые возвращаются в Православие (например, сыновей мещан возводить в звание купцов третьей гильдии).

7. Принимать меры для избрания подходящих наставников из раскольников и ограничить возможность случайного влияния раскольников (например, в выборе учителей).

8. Установить строгий контроль над семейной жизнью раскольников (например, запретить свободный уход от одной жены к другой).

9. Назначить светских попечителей из привилегированных классов для наблюдения за раскольниками.

10. Разрешить православным священникам использовать дониконовские тексты при служении Литургии и совершении церковных обрядов.

11. Наложить особые взыскания на раскольников, дабы действовать их возвращению в Церковь (напр., запретить раскольникам занимать государственные посты, облагать купцов из раскольников двойным налогом, удвоить для них рекрутскую повинность, запретить всем раскольникам, не только не имеющим священства, право наследования).

12. Давать свидетельства учителям из раскольников в соответствии с их компетенцией и образованием.

Одним словом, архиепископ Платон стремился к ужесточению взысканий со стороны государства и усилению прямого влияния духовенства, главным образом, в области образования⁷⁴.

Митрополит Филарет, всегда отстаивавший приоритет пастырского воздействия и интересы Церкви, высказался на сей раз с резкой критикой. Он заметил, что такие предложения, как совместное обучение детей православных и раскольников, уже применялись и оказались неэффективными. Он также возражал против избрания учителей из мирян, повторяя, что именно священство должно обеспечивать нравственно-религиозное основание начального образования. Митрополит выступал и против различных поощрительных уступок раскольникам, таких как положение в обществе для обращенных из раскола, так как это ущемляло права членов Церкви. Особенно неприемлемым он находил предложение давать свидетельства учителям из раскольников: «Это значило бы признать и утвердить раскольническую иерархию. Раскольники того и желают. Гражданское начальство может ослабить и разрушить действие раскольнического наставления мерами полицейской строгости и преследовать в лице его нарушение законов; и сего было бы довольно, если бы на местах верно и тщательно исполнялось то, что правосудно и с умеренностью предписывает высшая власть». Митрополит также выражал сомнения, что такие меры, как лишение наследства, будут действительными и предсказывал, что они принесут более вреда, нежели пользы. Основополагающим для этой записки оставался приоритет пастырского служения как основного средства борьбы с расколом и проявление крайней осторожности в отношении мер со стороны государства, которые способны принести более вреда, нежели пользы⁷⁵.

Заключение

Митрополит Филарет, который являлся центральной фигурой церковной политики в дореформенную эпоху, твердо придерживался следующих основных взглядов на проблему раскола:

⁷⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 132. г. 1851. Д. 654. Л. 2–13 об.

⁷⁵ Там же. Л. 15–20 об.

преимущество пастырского служения, необходимость отдельных действий Церкви и государства в борьбе с расколом. Он оставался непреклонен в своих убеждениях, несмотря на стремительный рост раскола, недовольство гражданских властей и требования некоторыми архиереями действий решительного характера. Он высказал свои взгляды на природу движущих сил раскола, поставляя просветительскую деятельность в основу своей стратегии (отсюда его стремление к тому, чтобы духовенство играло основную роль в системе начального обучения). Митрополит Филарет понимал гражданские причины раскола (от превратностей государственной политики до законодательных преимуществ, которыми пользовались раскольники, особенно в вопросах брака). Главные требования митрополита Филарета сводились к тому, чтобы светские власти следили за исполнением существующих законов, а не создавали новые. Он полагал, что первостепенной задачей для Церкви является сохранение независимости от государственной политики и сосредоточенность на основном служении – увещивать, учить и просвещать.